

18+

Алена
Белобородова

ПУТЬ

"ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ

БОЛИ"

или истории
о суррогатном
материнстве

Алена Белобородова

**Путь «Обязательной
боли». Или истории
о суррогатном материнстве**

«Издательские решения»

Белобородова А.

Путь «Обязательной боли». Или истории о суррогатном материнстве / А. Белобородова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-627524-9

Сегодня почти невозможно встретить человека, который бы не слышал о суррогатном материнстве. Но лишь немногие сталкивались с этим явлением лично. Эта книга раскроет перед Вами всю изнанку работы агентства, которое занимается суррогатным материнством. Автор от лица сотрудника этого агентства поделится секретами «внутренней кухни» и грустными, смешными, печальными, а порой возмутительными историями людей, которые вынуждены были узнать все о суррогатном материнстве не из книги, а на личном опыте.

ISBN 978-5-00-627524-9

© Белобородова А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	19
Глава 3	25
Глава 4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Путь «Обязательной боли» Или истории о суррогатном материнстве

Алена Белобородова

© Алена Белобородова, 2025

ISBN 978-5-0062-7524-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

В качестве пролога очень хотелось бы найти какую-то хлесткую цитату великого мыслителя, добившегося потрясающих высот, при этом отличавшегося беспрецедентной благочестивостью, образцово-показательной семьей, недостижимой житейской мудростью и тому подобными всеми уважаемыми регалиями, но если такой и есть, то он, к сожалению, ничего не сказал о суррогатном материнстве. Да никто вообще не сказал! Если вы захотите что-то об этом узнать, то всемирная сеть сначала вывалит на вас сотни статей из области «скандалы/ интриги/ расследования», затем будут десятки статей пера тех, кто рвет рубаху на груди в клочки за скрепы (вы можете опознать такую статью по словосочетаниям вроде «от Лукавого», «раньше в поле рожали», «деньги девать некуда», «продают детей»), и единицы таких (обычно на страницах поиска, до которых не особо упорный исследователь не добирается), в которых есть фактическая, правдивая, объективная информация об этом современном методе лечения бесплодия. Возможно, именно поэтому вы читаете эту книгу – вы тот самый упорный искатель истины, который не остановился на пятой странице в выдаче поисковика. Возможно, поэтому я пишу эту книгу – я тот самый упорный распространитель истины. И раз уж мы встретились, то позволю себе несколько существенных замечаний в качестве напутствия.

Во-первых, давайте сразу договоримся о том, что же такое суррогатное материнство. Суррогатное материнство – это метод лечения бесплодия. Метод. Лечения. Если требуется, то прямо подчеркните себе эти два слова. Если из этой книги вы запомните только что-то одно, то пусть это будет именно это.

Суррогатное материнство своим пациентам (это может быть пара или одинокая женщина) назначает лечащий врач-репродуктолог. Часто такому назначению предшествуют годы безрезультатного лечения. Или не предшествуют. Например, если у женщины отсутствует матка, то, собственно, никаких вариантов, кроме суррогатного материнства, у нее нет. Но такое заключение может дать только репродуктолог, так как именно он потом будет нести ответственность за процедуру ЭКО. Ни подруга, ни мама, ни агентство суррогатного материнства, ни знакомый терапевт не может определить достаточность у женщины показаний для суррогатного материнства.

Во-вторых, и тут наступает время признаний: я точно знаю, о чем говорю. Если хотите, я эксперт в этой области. Я на этом деле собаку съела. Правда, порой это была не собака, а еж или дикобраз, даже стадо дикобразов. Но об этом потом. Вернемся к экспертности. Больше двенадцати лет своей жизни я посвятила работе в агентстве, которое занимается организацией комплексных программ суррогатного материнства – я слышала сотни таких похожих друг на друга и таких разных печальных историй людей, которые боролись с бесплодием. Иногда они просто приходили поговорить и никогда больше не возвращались, иногда с нашей помощью они побеждали судьбу, иногда проигрывали ей на каждом из стартов и в итоге сдавались, передавая эстафету тем, кто еще не отчаялся. Я не репродуктолог – я не проводила осмотры и не делала ЭКО, я организовывала все, что происходит для того, чтобы перенос эмбриона в принципе состоялся и, если беременность наступит, процесс закончился успешными родами.

В-третьих, это художественная книга. Я не пишу автобиографию, я не рисую автопортрет – я пишу о людях, которые вдохновили меня, растрогали, разозлили или заставили плакать. Все имена, фамилии, профессии персонажей (кроме врачей, само собой – они правда врачи, не слесари), названия компаний, а также даты событий являются вымышленными. Любые совпадения случайны. Не берусь утверждать как того, что описанных в книге событий никогда не происходило, так и обратного. Вот и поди меня пойми! Но даже если чисто гипотетически

представить, что они и правда происходили, то совершенно точно не с теми людьми, которые здесь упомянуты.

В-четвертых, как бы меня саму ни бесило обозначение тех или иных лиц или предметов в литературных произведениях буквами латинского алфавита, что по ощущениям превращает предложение в алгебраическое уравнение, именно так я и поступлю с названиями лекарственных препаратов в этой книге. Прошу сразу меня простить, но будет именно так. Ради вашей безопасности.

И, в-пятых, почти самым главным качеством, характеризующим человека как интересного, достойного, умного, да и привлекательного, чего уж там, я считаю хорошее чувство юмора. Мне хочется считать вас всех, дорогие читатели, именно такими людьми, поэтому прошу настроить свои юмористические радары на самый чувствительный режим, чтобы в тот момент, когда мои слова в тексте будут казаться вам грубыми или резкими, вы поймали условный сигнал, остановились и прочитали тот же самый кусок, но представляя, как его произносят с чуточкой сарказма.

Глава 1

Сентябрь 2011

Сегодня мой первый день на работе. Кажется, что в это предложение само собой просится слово «новой», потому что первый день как будто бы может быть только на новой работе, но это не совсем так. Это мой первый день на работе вообще. Мне 21 год, 2,5 месяца назад я окончила университет, «лето красное пропела» и устроилась на работу. Вот такой вот я «удивительный» человек – всех работодателей на собеседованиях удивляла, отвечая на вопросы о предыдущем опыте работы. Да, я не работала в своей жизни ни дня – я не стажировалась у папы в фирме, не помогала маме с документами, не брала, как все студенты, подработку на лето: не раздавала листовок у метро, не обслуживала столики в кафе, не доставляла посылки и вообще никоим образом не отвечивала на небосклоне официального и не очень трудоустройства. Я училась. И училась, на самом деле, много и, чего греха таить, отлично и, в общем-то, даже с удовольствием. Родители придерживались мнения, что делать хорошо можно только что-то одно, поэтому либо учеба будет мешать работе, либо работа учебе, а они никак не могли допустить, чтобы что-то встало на пути получения высшего образования их ребенком. Без высшего образования же ты «практически никто, ни одной приличной работы ты не получишь и ни в одно приличное общество не войдешь». На деле же, работодателей не столько впечатляли 2 красных диплома о высшем образовании (внутри, кстати, никто даже не заглядывал), как то, что у взрослой девицы нет никакого опыта работы. Мои слова о том, что я быстро учусь, звучали не особо убедительно, потому что хоть простая истина и подтверждалась дипломами, но помочь проверить мою человеческую и профессиональную пригодность никак не могла. И, да простят меня мама и папа, я работодателей очень даже понимала, голос истины отчетливо прорывался сквозь сплошную завесу оптимизма и веры в собственное высшее предназначение.

Итак, теперь вы в курсе, что на должность офис-менеджера в агентство «Горго» я попала по двум причинам: у руководства компании не было ни времени, ни желания долго перебирать кандидатов, а у меня не было больше сил ходить на дурацкие собеседования. Впоследствии история этого собеседования обрстет почти мифологическими подробностями, и каждый из рассказывающих ее будет указывать свою сторону, как ту, которая сказала «я уверена, это точно перспективный вариант». Согласия в рядах поныне нет. Но раз уж я рассказываю эту историю, то значит, я здесь главная, и остановимся на том, что тогда на собеседовании, выслушав предлагаемые условия работы и общее описание сферы деятельности, именно я сказала легендарные слова про перспективный вариант. Если когда-нибудь А. А. и М. М. (генеральный и финансовый директора «Горго») соберутся рассказать свои истории, то пусть на здоровье продвигают милую их сердцам версию, что эти слова одна из них (кто – зависит от рассказчика) сказала второй обо мне.

Вернемся к первому дню. Конечно, немного напуганная, воодушевленная и возбужденная, я шла навстречу неизвестному во всех смыслах – я не знала, что такое работать в целом, я жила в новом большом городе совсем недавно, я пять раз накануне перепроверила маршрут до офиса в интернете (с буквальным замером времени пути до и от метро, а также времени поездки в подземке непосредственно), и самое главное – я очень смутно и отдаленно понимала, что такое суррогатное материнство. Да, именно этим занимается «Горго». В отличие от родителей, которых я сразу порадовала новостями о трудоустройстве после удачного собеседования накануне, тема эта не казалась мне пугающей и какой-то полукриминальной. Я знала, что в России суррогатное материнство разрешено, но особо не афишируется и кажется доступным какому-то очень особенному кругу лиц. Что-то типа тайной масонской ложи в медицинском мире. Ну разве не увлекательно?! Да, я не совсем представляла, что из себя представляет, как

выразилась М. М., «комплексное ведение программ суррогатного материнства и донорства ооцитов», но не в пример остальным работодатель воспринял мои слова о феноменальной обучаемости всерьез. А я, в общем-то, и не шутила. Если мне было что-то интересно, я всегда была уверена, что очень быстро во всем разберусь.

А пока, шагая по одной из центральных улиц этого бесконечно красивого, величественного и немного ленно-снисходительного в своем великолепии города, уже подернутого золотым и огненным, я отстукивала каблуками гимн уверенности и предвкушения, извечный ветер развеивал мои длинные до пояса черные волосы. Я улыбалась так неприлично и так вызывающе, что проходящие мимо соотечественники недоуменно отводили взгляд. Мне даже казалось, что какой-нибудь участливый гражданин сейчас одернет меня за предплечье и доверительно прошепчет:

– Эй, девушка, вы бы поосторожнее, в России же живем. Люди не поймут. Вы что, американских фильмов насмотрелись? У нас так не принято...

Но это было сильнее меня.

Мне сказали быть в 10:00. Как ответственный сотрудник я стояла перед дверью в полной боевой готовности в 9:45. Стояла перед закрытой дверью. Офис был закрыт, и никто меня тут радостно не приветствовал, а значит, оценить, какой я исключительно ответственный сотрудник (в соответствии с разработанным планом), было решительно некому. Да, обидно. Еще и во дворе, в котором располагался вход в офис, как и во всех внутренних дворах домов города, не было солнца. Зато был ветер. Здесь погожий сентябрьский день таковым совсем не казался, поэтому стоять тут в ожидании появления руководства становилось прохладно и как-то нервно. Зажечь бы сигарету, чтобы скоротать время, согреться и успокоиться, но нельзя, потому что на собеседовании я уверенным (и, может, даже немного осуждающим) тоном заявила, что не курю, в ответ на соответствующий вопрос М. М. Даже не знаю, почему ей было важно, чтобы офис-менеджер не курил, но выяснять это сейчас было точно не время. Хотя интересно... Она так гордо сказала «у нас в компании никто не курит» и подчеркнула это уверенным кивком, что сразу стало понятно – это какой-то вырванный железный аргумент из какой-то дискуссии, которая явно происходит не здесь и не сейчас. Любопытно, с кем и при каких обстоятельствах мог состояться это разговор – ни налоговой, ни Роспотребнадзору, ни ЖЭКу (я даже не знала, кто еще в современной России должен интересоваться твоей компанией и твоим бизнесом) явно не должно было быть дела до курильщиков, пусть у тебя их хоть целый штат. Размышляя об этом, я заметила, как из-за угла во двор начал заворачивать черный внедорожник известной немецкой марки, и, буквально не успев остановиться и выключить зажигание, из него выпрыгнула тонкая, высокая, ухоженная и, что называется, «дорогая» М. М. и стремительно направилась к двери офиса, а значит, и ко мне с моим первым рабочим днем.

– Здравствуйте! Вы уже тут? Не замерзли? Давно стоите? Отлично, сейчас открою, заходите. Ой, вот тут помогите, пожалуйста, надо надавить, – буквально на одном выдохе выдала она автоматную очередь из слов.

Я на секунду задумалась, на какой из вопросов отвечать первым, но сделала единственный правильный вывод:

– Доброе утро!

И надавила на рычажок стального жалюзи, в то время как М. М. проворачивала ключ в замке этой хитрой конструкции. Действительно, стремительность самой природы М. М. не предполагала возврата назад даже на 5 секунд, ни в словах, ни в действиях. Она подняла жалюзи, открыла ключом дверь за ними и толкнула ее внутрь, приглашая меня войти. За первой пластиковой дверью примерно через метр условного «предбанника» шла вторая дверь, деревянная, в которой замков не было. Эта конструкция из двух дверей явно не была результатом заботы о безопасности, это было сделано просто для тепла. Ну и еще для того, чтобы, входя с улицы в дождливый день, клиенты могли оттереть ноги о коврик в этом промежуточ-

ном пространстве, оставив непогоду за дверью. Как оказалось позже, все ливни, бури и слякоть они вносили в наш офис глубоко внутри своей души.

М. М. включила свет и скинула плащ на вешалку, расположенную сразу слева от входа, за которой виднелся высокий шкаф со стеклянным верхом, наполненным книгами и папками, и деревянным закрытым низом.

– Ну вот, это наш офис. Смотрите, это будет ваше рабочее место – ваш стол, компьютер. Сейчас включу и все покажу. Ой, а я же пароля не знаю! Сейчас А. А. позвоню.

И в ту же секунду уже прижимала к уху телефон.

– Да, привет! Мне нужен пароль. Ну что за вопросы, конечно в офисе, у нас же новый человек. Все, давай, скинь мне в эсэмэс прямо сейчас.

За все это время я, пожалуй, успела только сделать два шага и положить сумочку на стол. Как вы понимаете, произнести я не успела ни звука.

А офис между тем был довольно уютным. В нем не было ничего от чопорного, разделенного условными перегородками общего пространства с несколькими рабочими местами, которое сразу встает перед глазами, как только произносишь само слово «офис». Хотя, что греха таить, допускаю, что это во мне говорит любитель одноименного сериала. Прямо напротив входа стоял светлый деревянный стол, по форме напоминающий букву «Т», только немного округлую – ножка буквы «Т» была вытянута по направлению ко входу, а шляпка располагалась вдоль стены. Собственно, это и было мое рабочее место: на нем стоял компьютер, справа от него принтер, а между ними сканер и факс. Факс в 2011 году! Что он вообще тут делает? Может, там, под столом, еще пишущая машинка? Надо будет проверить. Слева от монитора – стационарный телефон и органайзер с ручками. Стена за моим рабочим местом была завешана разными рамочками с фотографиями детей. Ад перфекциониста – они реально были разными: и по оформлению, и по размеру, одинаковыми они были только по посылу, который тут же прокомментировала М. М.:

– А это все наши дети!

– Ваши? – округлила я глаза.

– Наших клиентов. Но это мы им родили, наши сурмамы. Они нас благодарят, видите, фотки потом присылают. Но наших у нас тоже много, мы очень любим детей. У меня трое, а у А. А. вообще пятеро, с ума сойти!

Отлично, теперь понятно: М. М. выдает информацию не только стремительно, но и спонтанно. Вспоминая миниатюрную голубоглазую блондинку с лицом юной Джульетты – А. А., мне с трудом удавалось добавить в эту ячейку с информацией файл с данными про пятерых (!!!) детей.

Итак, справа от входа во всю длину и огибая угол комнаты располагался синий кожаный диван, совсем не офисного типа. В нем не было никакой строгости, он был почти домашним – мягким и располагающим. Стена за диваном была оклеена зеркалами, отчего комната смотрелась немного просторнее. В конце стены был стеллаж, в котором стояли книги, фотоальбомы, толстые папки, три фигурки фарфоровых пупсов в разных позах, маленькая колясочка и соска от бренда Swarovski и, опять же, рамочки с фото детей. Напротив дивана занимал свое место небольшой двухэтажный кофейный столик с женскими журналами на первом этаже и вазочкой с конфетами на втором. За столиком стояло одиночное кресло. Диспозиция понятна сразу – на уютном, располагающем к откровенности синем диване усаживаются клиенты, а на этом стуле – М. М. или А. А.

Слева от главного большого помещения, соединяющего в себе основное рабочее место и переговорную комнату, гнездились четыре маленьких: небольшой кабинет с окном, в котором стоял стол, стул, стеллаж и лежали разные папки; странная подсобка, заваленная какими-то неиспользуемыми предметами мебели, коробками и торчащей из недр искусственной елкой; крошечная кухня, в которой был буквально один шкафчик и место для чайника и микровол-

новки, и туалет. Коридорного пространства между главным помещением и этими четырьмя практически не было, все располагалось очень кучно. Но меня это даже радовало – ведь меня предупредили, что на работе я буду находиться по большей части одна. А в офисе с таким внутренним устройством отойти от своего рабочего места хоть сколько-нибудь далеко было практически невозможно.

– Так, вот ваша рабочая трубка. Будьте, пожалуйста, на связи всегда, не забывайте ее заряжать. Зарядка где-то здесь, в ящиках стола надо поискать. Ну, найдете.

– М. М. ...

– Давайте сразу определимся, наша компания стремится к европейским стандартам, тем более у нас есть куча клиентов иностранцев, у нас не принято с отчествами. Зовите меня просто М., а А. А. – просто А. У меня и на визитках так написано, вот смотрите, – и протянула мне свою светло-розовую визитку с логотипом компании «Горго».

– Хорошо, М., поняла. А можете тогда ко мне на «ты» обращаться? А то я себя старой чувствую, а мне всего 21.

– Да ты еще совсем молоденькая! Я бы тебя с удовольствием в доноры взяла, жалко, детей нет. Ну ладно, давай начну тебе рассказывать главное, у меня не так много времени. Мы с тобой пообщаемся, а потом все вопросы по телефону. Хотя к тебе после обеда А. обещала заскочить, ее еще спрашиваешь. Бери бумагу. Там, в столе, наверное, должен быть какой-то блокнот, записывай основную информацию.

Уже начиная адаптироваться к резким поворотам сознания М., я моментально открыла верхний ящик стола, достала из него какую-то тетрадь на пружине, перемахнула первые несколько исписанных листов, попутно делая в мозгу заметку, что надо будет обязательно изучить, что там написано, в поисках полезной информации, и вооружилась ручкой из органайзера. Любой учитель, увидев распахнутые, живые и жаждущие знаний глаза своего ученика, напоминающие в этот момент глаза щенка, которому сказали: «Будешь хорошим мальчиком – пойдем гулять» – глаза, лучащиеся надеждой и нетерпением, прослезился бы от умиления. Ну правда, я только что хвостиком не виляла! Любой учитель, но не М. Эта женщина оценила мое стремление как само собой разумеющееся, ведь компания занимается самым важным, чем только можно заниматься. Это факт, чего тут удивительного.

– Так, что ты знаешь о женской репродуктивной системе?

– Только то, с чем столкнулась на собственном опыте, и то, что рассказывали на биологии в 8 классе. По большому счету только то, что она есть.

– Беременности были?

– Эм... нет

Не то чтобы меня смутил такой вопрос М., я просто не представляла, что в первый день на работе начальство спрашивает сотрудников именно об этом. Я думала, там навыками владения вордом и экселем больше интересуются.

– Значит, ни с чем по нашей теме ты в жизни не сталкивалась. Окей. Тогда давай по порядку, к нам обращаются два типа женщин: первые – это те, у которых нарушена работа яичников. Им нужен донор яйцеклеток. Полученные у донора клетки оплодотворяются спермой супруга и переносят в полость матки пациентки, и она вынашивает беременность сама.

На слове «сперма», учитывая, как буднично, без тени смущения произнесла его М., я начала покрываться румянцем. Это что, основные термины, которыми и мне в будущем придется жонглировать с такой же легкостью и ловкостью, как она? Ох, весело. «Ну да ладно, – внутренне встряхнулась я, – главное, сейчас ничего не упускать из виду и сосредоточиться на важном».

– Кто переносит? Мы?

– Нет, ты что! Всю программу ЭКО проводит их лечащий врач. Они выбирают клинику, выбирают врача, врач им говорит, что им свои клетки использовать нельзя, и они приходят к нам. Ты им подбираешь донора.

– Как???

– Не переживай, сначала мы с А. будем тебе говорить, кого можно показать, а потом уже ты сама их всех запомнишь и будешь предлагать, исходя из запроса.

– А какой может быть запрос?

– Ну, например, цвет глаз, цвет волос, рост, группа крови. Женщина же не может использовать свой биоматериал, и, конечно, она хочет, чтобы донор, которого она выберет, был максимально на нее похожим. Естественно, часто клиенты просто выбирают самую симпатичную девушку из предложенных, это же нормально – хотеть улучшить свой генофонд. А мы стараемся предлагать им тех девочек, у которых получают много клеток, чтобы на побольше попыток хватило. Штук 20 – хорошо.

– У нас же вроде одна клетка в одном цикле...

– В естественном – да. Но никто доноров в естественном цикле не берет, это дурость полная. Если уж платишь деньги, то хочется получить все, что можно. Все доноры стимулируются на препаратах, например, Р или G. Записываешь? Я тебе буду говорить, когда и сколько кому надо будет их выдавать.

– Мне выдавать? – испуганно огляделась я вокруг в поисках хранилища указанных препаратов.

– Нет. Ты должна будешь позвонить в нашу лабораторию и сказать им, что к вам едет такая-то девочка за препаратами и ей надо выдать того-то столько-то.

Я кивнула и сделала соответствующую пометку на разлинованном листе блокнота со скоростью вчерашнего студента-гуманитария, привыкшего строчить лекции практически на автопилоте.

– А группа крови зачем? Чтобы не было несовместимости? – решила я проявить чудеса медицинской эрудиции.

– Конечно нет. Несовместимости не бывает, ерунда это все. Все мужчины и женщины совместимы. Ну, то есть подавляющее большинство. Есть там, конечно, совсем особенные случаи с генетическим диагнозом, но их настолько мало, что тебе, скорее всего, и в жизни-то никогда не встретится. А группа крови вообще на результат ЭКО не влияет, ну разве что резус. Но у резус-положительной матери все равно не может быть конфликта с резус-отрицательным плодом, только у резус-отрицательной матери с резус-положительным плодом. Так что всегда подбираем положительным – положительных, отрицательным – отрицательных.

– Подождите, М., если я правильно записала, то положительным можно подбирать отрицательных, раз конфликт невозможен?

– А зачем увеличивать количество отрицательных людей на земле? Нет ничего хорошего в том, чтобы быть отрицательным. А вдруг у них девочка родится – зачем ей быть отрицательной, ей же детей рожать. А ты что, отрицательная?

– Да нет, у меня третья положительная.

– Ну, вот и отлично, у тебя проблем не будет. Но лучше, конечно, мужа положительного ищи все равно.

Ладно, я поняла. Если бы существовала какая-то партия, осуждающая и преследующая людей по признаку резус-фактора, то М. ее, конечно, не возглавила бы, но в члены правления бы с удовольствием вошла.

– А зачем тогда по группам крови подбираем, если важен только резус?

– Чтобы ребенок не узнал!

Я постаралась не прерывать конспектирование на возгласы удивления и продолжила записывать, не отрывая глаз от блокнота.

– Ну, ты чего, никто же не говорит потом детям, что использовал донора! Для этого мы подбираем донора с той группой крови, которая подходит этим клиентам по правилу генетического наследования групп крови. Вот тут видишь, у тебя лежит распечатка? Можешь по ней ориентироваться, смотри: вот у мамы вторая группа и у папы вторая группа, – она повела указательными пальцами по розовой распечатанной на принтере табличке вертикально и горизонтально навстречу друг другу, – и вот видишь, может родиться ребенок со второй и первой группой крови. Значит, можем предлагать доноров первой и второй группы крови. Тогда ребенок вырастет, сдаст анализ, и никаких вопросов у него не возникнет.

– Аа, поняла. Надо же, у двух людей со второй может быть ребенок с первой...

– Ага, а еще у двух людей с положительным резусом в редких случаях может быть ребенок с отрицательным, а вот у двух родителей с отрицательным резусом положительного ребенка получить не может. Но это уже так, тонкости. В основном все выбирают по внешности, так что просто показываем им фотки доноров, фотки их детей – да, у доноров обязательно должны быть дети, как и у сурмам – и анкеты, и родители выбирают. Анкеты и фотки у тебя на компе где-то, это А. знает, – и как-то хаотично махнула рукой в сторону экрана моего рабочего компьютера, по которому я в данный момент просто бесцельно водила мышкой, как будто таким образом планировала открыть все тайны его недр.

– Окей, найдем.

– Но не все доноров выбирают по фоткам.

Ну, здравствуйте. Я же вроде только что систему в своей голове выстроила. Доноров выбирают по внешности и крови, что не так-то?..

– У нас есть две программы – Неанонимный донор и Анонимный. Неанонимного донора клиенты выбирают по фоткам и анкете, а анонимного мы им сами подбираем и просто даем подходящего. Анонимный, естественно, дешевле. Мы просто берем того, кто им по параметрам подходит, а нам удобнее сейчас его взять. Тут часто можно взять девицу, которая первый раз стимулируется. Как раз посмотрим, сколько у нее клеток получается. Ой, я же тебе про ЭКО не договорила! А ты не спрашиваешь. Давай назад, где ты про препараты записывала.

Я пробежала вверх по исписанным страницам, перелистнула и наткнулась взглядом на названия лекарств. Сделала от них стрелочку через всю страницу и продолжала свои записи. Придется потом как-то восстанавливать логику повествования.

– Всем донорам в ЭКО назначают препараты, они стимулируют рост фолликулов. Знаешь, что такое фолликулы?

– Эмм, ну, догадываюсь... – попыталась я не ударить в грязь лицом. Но это не сработало.

– Фолликулы – это такие пузырьки, если совсем на пальцах, которые нарастают на яичниках у женщины в каждом цикле с первого дня месячных, и в них как раз зреют яйцеклетки, а потом, через дней четырнадцать, овулируют. Уж что такое овуляция, я тебе объяснять не буду. А в ЭКО, когда они дорастают до оптимального размера, врач-репродуктолог это видит и назначает триггер для контроля над овуляцией. Триггер колется четко за 36 часов до пункции, и мы должны проконтролировать, что донор этот укол сделала вовремя. Это обычно D. или O. Запиши, что надо обязательно в день этого укола созваниваться с донором. Ага. Потом донор приходит в клинику на пункцию, и доктор под наркозом специальной иглой микропроколами через стенки влагалища все эти фолликулы пунктирует. И тогда мы узнаём, сколько получилось клеток. Потом донор просыпается и едет домой. Но мы ее, конечно, в клинике встречаем после пункции и рассчитываемся с ней прямо на отделении ВРТ. Или если не успеваем, то она после пункции может заехать к тебе сюда и забрать гонорар. Сейф вон там, – повернулась она кругом на стуле и кивнула в сторону стеллажа с деревянными дверцами снизу и стеклянными сверху.

Сложно даже сказать, какая часть этой речи озадачила меня больше: слова месячные и влагалище, произнесенные деловым будничным тоном, загадочный триггер (и что это вообще

такое?) или то, что в первый день и первый час работы мне указывают на сейф. Пока меня удивляет плюс-минус все.

– Мы берем доноров не больше 10—12 раз. Дальше это уже может быть вредно для их здоровья, их об этом надо предупреждать, а то попадают такие бестолковые, вообще ни о чем не думают. А потом будут на нас злиться, что мы их не предупредили. Так что проговаривай им все, поняла?

– Угу.

Это я поняла, это легко.

– Ладно, с донорами все элементарно. Основное я тебе рассказала, остальное по ходу поймешь. Ну и мы с А. будем тебе подсказывать, если что. Главное, все записывай и ничего не забывай донорам сообщать, потому что в ЭКО любое пропущенное назначение смертельно – это огромные бабки. Пропустить прием какого-то препарата просто невозможно, – начальница посмотрела на меня пристально и остро, видимо, убеждая, что эту непреложную истину я зарубила на носу.

Я кивнула два раза для убедительности. Было очевидно, что одного тут мало.

– Итак, вторая категория женщин, которые к нам обращаются, это те, у кого с клетками все супер, а с маткой нет. То есть проблема именно в вынашивании – ну, например, удалена матка, или многократно не имплантировался эмбрион, или возраст уже. Тогда им нужна суррогатная мама. Но, по сути, есть и такие, которым нужна и сурмама, и донор. Тогда мы, получается, им просто рождем здорового ребенка от их любимого мужчины.

– Одна девушка может быть и сурмамой, и донором? Это же, наверное, проще?

– Нет-нет-нет, ни в коем случае! Это незаконно. Понимаешь, суть суррогатного материнства в том, что суррогатная мама не имеет никакого генетического отношения к вынашиваемому плоду. Тогда она получает свой финальный гонорар после родов именно за вынашивание, за свою работу. А если она будет донором, то она, получается, будет вынашивать генетически своего ребенка и получит гонорар фактически за продажу ребенка. Это уголовное преступление, так никто не делает.

Я мысленно сложила все причинно-следственные связи и сочла этот ответ очень даже логичным. Если б сейчас не спросила, то, уверена, догадалась бы позже сама.

– А как сурмам подбираем, как доноров?

– Да, почти. Внешность сурмам, конечно, не должна быть идеальной, она же не передает свои гены, поэтому часто это девочки и с лишним весом, и без образования (образование для донора тоже важно!), – я метнулась на пару страниц вверх по своим записям и написала «диплом» в перечне донорских критериев. – Но родители все равно хотят, чтобы сурмама была девушкой приятной, поэтому мы показываем им 2—3 фотки разных женщин, и они выбирают.

– А группы крови и резусы?

– Неважно, какая группа крови, у эсэм и плода кровь не смешивается, он от нее не может ее перенять, так что на это вообще не смотрим. А что касается резуса, то просто берем в сурмамы только положительных женщин, чтобы избежать конфликтов и всей этой мороки с сывороткой.

Не стала спрашивать, что за сыворотка такая и что за морока, коль мы ее избегаем, но мысленно отправила еще один бюллетень в урну для голосования на выборах правления в «анти-отрицательную» партию.

– Эсэм – это сурмама?

– Ну да, суррогатная мама. В переписке часто пишем про сурмам и доноров – СМ и ДЯ, ты увидишь. Короче, обследуем женщин в нашей лаборатории, если все хорошо, доктору все понравилось, то ты предлагаешь ее родителям, и начинаем ее готовить к переносу. Список обследования у тебя тоже тут вот где-то лежит, – и она снова неопределенно махнула в сторону планшета, где ранее мы обнаружили таблицу наследования крови. – А теперь давай расскажу,

как ты будешь обрабатывать заявки от сурмам и доноров. Можешь себе прямо отдельно страничку по донорам выделить и по сурмам, что в первую очередь выяснять, когда они тебе звонят или пишут.

Я послушно озаглавила две последовательных страницы блокнота ДОНОРЫ и СУРМАМЫ, выделяя заглавия усердным подчеркиванием.

– Вот звонит тебе девушка и говорит, что хочет стать донором. Ты сразу спрашиваешь, сколько ей лет. Доноров мы берем до 30 лет. Сурмам – до 35 лет. Но все всё равно хотят помоложе. Если по возрасту проходит, то спрашиваешь, есть ли дети. Если детей нет, то она нам не подходит. Дальше спрашиваешь рост и вес. Если у нее лишний вес, то, конечно, надо предложить похудеть для того, чтобы стать донором, но если она не хочет или лишнего веса много, то предлагай сразу в сурмамы. Но когда в сурмамы будешь звать, то спроси обязательно, самостоятельно ли она рожала (без кесарева) и какой резус. Если отрицательная или с кесаревым, то, к сожалению, мы ничего предложить не можем, нам никак ее не использовать.

Я мысленно начала представлять, насколько неудобным должен быть разговор с девушкой на том конце провода о том, сколько она весит, не хочет ли похудеть, и что с таким (в голове я произносила «С ТАКИИИИМ») весом ей только в сурмамы, что клетки ее никому уже не нужны. И, честно говоря, я почти не сомневалась, что обсудить все это сколько-нибудь тактично будет задачей просто невероятной. Как бы я ни старалась, эту условную воображаемую девушку я если не обижу, то хорошенько задену точно, и это меня расстраивало даже больше, чем то, что я вообще не люблю разговаривать по телефону, а здесь, судя по всему, мне будут регулярно звонить незнакомые люди и предлагать свои услуги.

– Если девушка подходит на донора, – продолжала М., – то просишь ее прислать на почту фотки. Пусть присылает хорошие и побольше. Себя, своих детей, в полный рост, близко лицо – чтобы все можно было рассмотреть. Иногда бывают доноры с ужасными фотками, таких лучше приглашать в офис, сама тут ее сфотографируешь, у тебя фотокамера лежит тоже здесь где-то. Иначе с плохими фотками ее родители никогда в программу не выберут, и она не заработает, и мы зря на ее кариотип потратимся.

– Кариотип?.. Про фотки поняла, если что – сюда ко мне при параде!

– Да, кариотип – это генетический анализ, визитная карточка донора, его всем абсолютно надо сдавать, и предлагаем донора только после того, как придет результат кариотипа. Он делается примерно месяц, так что как только обсудила все с донором, сразу записывай ее в нашу лабораторию на УЗИ к врачу и на кариотип. А пока он будет делаться, ты и фотки с нее хорошие вытрясешь, и расширенную анкету заполнишь – там куча пунктов. Она на рабочем столе должна быть, «Анкета ДЯ» называется файл, открой его прямо сейчас.

Я увидела искомый файл, пару раз кликнула мышкой, и через несколько секунд передо мной открылась довольно объемная анкета на трех листах с вопросами от цвета глаз, волос и роста-веса до описаний внешности родных братьев и сестер, их образования и кружков, посещаемых донором в детстве. Да, наверное, такой набор фактов действительно дает людям представление о девушке, клетки которой они собираются использовать, чтобы стать родителями.

– Да, это. Если она не может дома на компьютере заполнить, то прямо звонишь ей и по телефону под диктовку все заполняешь за нее. Иногда это быстрее, а то они такие необязательные, могут месяц тянуть, представляешь!

А я не представляла. Я-то совершенно уверена, что если ты хочешь заработать денег, причем немало, и тебе для этого надо только несколько раз врачу показаться, ты даже с работой это можешь совмещать без проблем, то как можно анкету-то не заполнить? Это же ерунда какая-то. Я точно знала, что даже если бы у меня не было компьютера, я бы нашла сто способов, где и как мне этот опросник заполнить и распечатать уже на следующий день. Впоследствии я буду годами чувствовать себя в ничтожном меньшинстве с такой позицией. А доноры и сурмамы будут вести себя именно так, как сказала мне М. в мой самый первый день.

– Если подходит на сурмаму, то сразу спрашиваешь у нее, когда были месячные.

– Зачем?

– Месячные, Алёна, это вообще самое главное, что тебе надо знать о женщине. Мы всё делаем от месячных! Все приемы препаратов, все УЗИ, всё от месячных. Я бы сказала тебе, что надо спрашивать, какой у нее сегодня день цикла, но они ж половина не знают, как цикл считать.

Тут я уже не на шутку удивилась, так как мы вроде вели речь о девушках, у которых на момент воображаемого разговора со мной есть как минимум один ребенок, она его вынашивала и рожала и явно не раз была на приеме у гинеколога. Ааа, да, Алёна. Это мое имя. Приятно познакомиться, кстати.

– Да, вот ты знаешь, что такое начало цикла?

– Начало месяч. . .

– Вооот, – перебила меня М., – а женщины сплошь и рядом думают, что это когда месячные кончились. Поэтому ты и спрашивай у них, когда был первый день месячных, а не первый день цикла, иначе потом до правды не доберешься. Будущих сурмам на УЗИ к нашему доктору в лабораторию записывай лучше на 7—12 день цикла, но, вообще, она на любой посмотрит, если нам сильно надо. А чаще всего нам, честно говоря, именно сильно надо. Лучше не в первый день, конечно, там не очень показательно получается. Так что спрашиваешь про месячные и записываешь на УЗИ. И если на УЗИ у нее все хорошо, то там в лаборатории у нее должны взять все анализы по списку для эсэм.

– Естественно, тебе надо будет и донорам, и сурмам подробно расписать все суммы их гонораров.

И в последующие 10 минут я под чутким руководством одного из двух моих теперешних директоров дополняла страницы, озаглавленные «ДОНОРЫ» и «СУРМАМЫ», ключевой для этих леди информацией, содержащей различное количество полей. Тут же далее заодно в продолжение темы страниц я сразу записала и стоимости контрактов на сурмам и доноров для клиентов.

– Тебе придется разве что озвучивать стоимость контракта, консультаций по ним ты не даешь. Если звонят потенциальные доноры и сурмамы, то беседуешь ты. А если клиенты, то сразу даешь телефон мой или А. Мы сами с ними свяжемся, все расскажем и, если что, назначим встречу у нас тут в офисе. Если не хотят общаться по телефону, а хотят приехать лично, то записывай их и сразу сообщай нам, мы решим между собой, кому будет удобнее по времени подъехать.

– Да, поняла. А если вам обоим будет неудобно, то что делать?

– Ничего страшного, позвонишь клиенту, перенесешь. В основном мы подстраиваемся, не переживай. А. проще, она только «Горго» занимается, а у меня еще куча всяких направлений, так что она может чаще подстраиваться.

Было вполне легко поверить, что М. занимается не только суррогатным материнством, потому что за все время, что мы провели в офисе, ее телефон звонил раз семь, и наряду с сурмамами там обсуждались какие-то коммерческие помещения, какой-то магазин и чуть ли не лесозаготовки. Да и энергии, которая исходила от этой женщины, хватило бы на десять направлений с лихвой, это было очевидно с первого взгляда, это читалось в ее отрывистой и очень конкретной манере речи, в стремительности ее движений и активной очень живой мимике на энергичном лице, которое, кстати, никак не могло соответствовать ее реальному возрасту ввиду полного отсутствия на нем морщин и почти полного отсутствия косметики – только подводочный карандаш, подчеркивающий легкую синеву в ее серых глазах.

– Ой, уже двенадцатый час, мне надо бежать. У нас прием с Котовой у доктора Коновалова в двенадцать, а я ее еще обещала у метро подхватить, а то заблудится. Все, обустройайся тут, располагайся, если что, звони.

И она в три шага оказалась у вешалки, накинула свой плащик, не разжимая руки с зажатым в ней телефоном, повесила на сгиб локтя раскрытую брендовую сумку, в которой, кроме повседневно необходимых женщине вещей, находились еще несколько файлов с бумагами – распечатанными анализами суррогатных мам и доноров, предъявляемые на приемах врачам, толстая черная записная книжка и несколько пачек препаратов.

– Все, я на связи! – и выпорхнула за порог.

Теперь я осталась один на один со своими новыми владениями. Выдохнула, улыбнулась сама себе в зеркальную стену за синим диваном и пошла обживать территорию. Для того чтобы переварить всю вываленную на меня информацию и как-то разложить ее по полочкам в своей голове, а также для того, чтобы как-то «обуютиться» в новой жизни на новой территории, решено было начать с горячего чая. Зайдя в крохотную кухню, я включила чайник, сразу выбрала в шкафчике с кружками ту самую, которая станет неотъемлемой частью моего рабочего места, и достала пакетик вездесущего «Гринфилда» из коробочки.

Сидя за своим рабочим столом, окутываемая ароматом черного сладкого чая, я то и дело вертела головой и примеряла всю обстановку на себя. Мои глаза иногда останавливались на толстой черной книге с категоричным названием «Гинекология», которую я уже внутренне решила изучить в будущем (и которую потом, действительно, иногда листала в поисках недостающей моей природной любознательности информации), на фигурках малышей, на журналах «Материнство» на кофейном столике, угрожающего вида аппарате факса и планере, где незнакомые мне девушки на разные дни и разные часы были записаны к незнакомым мне врачам в совершенно незнакомые мне клиники такого еще нового для меня города. Все это не вызывало во мне никакой тоски и неуверенности, а скорее возбуждало искреннее любопытство и жажду знаний. Мне хотелось скорее сделать это все настолько своим, насколько только может мечтать вчерашний студент гуманитарного факультета, скинутый жизнью в кипящий котел медицины высоких технологий. И я почему-то не сомневалась, что если внимательно слушать все, что происходит вокруг, задавать правильные вопросы и делать чуточку больше, чем от тебя просят, то все непременно получится.

Понемногу я начала исследовать ящики стола, в которых в разной степени заваленности обнаружили зарядка для рабочего телефона и еще штук пять разных проводов неопределимой принадлежности, бланки направлений на анализы, штампы и печати, обрезки или обрывки приходно-кассовых ордеров, синяя фотокамера «Кэнон», куча разрозненных анализов разных женщин, какие-то копии свидетельств о рождении, неопознанный ключ на толстой скрепке вместо брелока, фотографии девушек и детей как лежащих отдельно, так и в файлах, и даже один нетолстый фотоальбом. Тут же было и несколько лаков для ногтей, пара резинок для волос, пара упаковок стикеров для заметок, несколько исписанных записных книжек разных размеров, флэшка и разноцветные текстовыделители, которые после проверки на профпригодность сразу переключались в органайзер с ручками на столе, какие-то начатые блистеры таблеток обезболивающего и противозачаточных вместе с другими девичьими атрибутами, вероятно, принадлежавшие ранее моей предшественнице на месте офис-менеджера. Место это она, судя по всему, не особенно тщательно организовывала и ушла быстро и без сожалений, чему я в тот же день нашла достоверное подтверждение, обнаружив ее заявление на увольнение, подписанное размашистым почерком и широкой душой А.: «Вали на все четыре!» и подпись генерального директора. Сожалений, очевидно, не испытывала ни одна из сторон. И меня это очень развеселило.

К моменту, когда приехала А., я уже нашла на рабочем столе компьютера важные папки, о которых ранее говорила М., разобралась в классификации файлов в них, поняла, где хранятся и как называются договоры «Горго» с клиентами и обнаружила список обследования для доноров и сурмам. По сути, это был полный боекомплект на первое время. И все это время, занимаясь освоением пространства, я искоса поглядывала на оба рабочих телефона (сотовый

и стационарный) и умоляла их не звонить. Слушался меня только стационарный, потому что на рабочий мне уже три раза позвонила М., сначала сообщая дату следующего приема ранее упомянутой Котовой у Коновалова, затем, минуты через полторы, быстро задиктовывая мне анализы, которые Котова должна обновить к следующему приему, и потом еще раз, сообщая дату и время встречи, назначенную ей клиентам в офисе. Каждый звонок длился несколько секунд, за которые я успевала только сказать: «Алло...» – и далее из трубки на меня просто лавиной обрушивалась информация, которая не повторялась, не уточнялась, произносилась быстро и заканчивалась короткими гудками в трубке. Я испытывала что-то сродни состояния аффекта после этих звонков. Я отводила трубку от уха, глупо моргая, пялилась на экран сотового в надежде понять, было это на самом деле или мне показалось. И, придя в себя, убедившись, что эта информация у М. считается исчерпывающей, и уточнений, пояснений и дополнительных вводных не будет, приступала к выполнению задачи, которую данный звонок подразумевал к выполнению. Но этот краткий шок и растерянность все равно были лучше, чем висевшая надо мной реальная угроза, что мне позвонит потенциальная сурмама или донор, которую мне придется проконсультить. О, эта мысль сегодня приводила меня в ужас. Я буквально молила всех богов, чтобы этот судьбоносный звонок произошел как можно позже. И пока мои мольбы не были пустыми.

Глава 2

Сентябрь 2011

А. вошла в офис, прижимая сотовый плечом к уху, и, пытаясь одной рукой держа сумочку, отыскать в ней что-то другой.

– Привет! Нет-нет, я не тебе. Ага, да-да, я слушаю, я поняла, – сказала она, кивая мне, не отрываясь от телефонного разговора, бросая сумочку на диван и наконец выуживая из нее искомое – второй сотовый. Она записала что-то в память отысканного телефона, попрощалась с собеседником и завершила разговор.

– Ну что, – с широкой улыбкой повернулась она ко мне, – уже устроилась?

– Вроде да, обживаюсь, – ответно улыбнулась ей я.

– М. приезжала? Все тебе рассказала?

Я согласно кивнула.

– Слава Богу, ненавижу проводить ликбез, у нее лучше получается. Ну, тебе если что-то непонятно, то ты в любом случае спрашивай, конечно. Пойду чайку себе налью и пообщаемся.

И она двинулась в кухню. А я с удивлением отметила, что в мои обязанности, видимо, не входит делать чай начальству. Отличная новость!

– Так, – сказала А., закручивая ниточку с ярлычком от чайного пакетика вокруг ручки кружки, – как с клиентами общаться, тебе М. объяснила?

И она подвинула одной свободной рукой кресло от журнального столика ко мне, усаживаясь рядом за рабочий стол. Потом встала, захватила две конфетки из вазочки на столике и села обратно. Где-то на диване снова жалобно жужжал какой-то из ее мобильных телефонов, не достаиваясь внимания.

– Сказала, мне не общаться. Это считается объяснением? Я могу только озвучить цены на контракты, они у меня вот тут записаны, – и я ткнула в свои блокнотные записи, которые, как настоящая отличница, к этому времени расцветила маркерами в соответствии с важностью и категорией информации.

– Ну, ты же не можешь совсем не общаться, все равно в будущем придется участвовать в переговорах, я так думаю.

Мое сердце опасно постучалось в груди чуть настойчивее и чуть быстрее, чем обычно.

– Пока ты, конечно, будешь слушать, как мы с М. с клиентами общаемся, а потом и сама сможешь проконсультировать. Ты в почту заглядывала?

– Ну да, вот, она у меня открыта, – я показала на рабочем столе развернутое окно почтового браузера.

– Отлично. Держи всегда открытой. В основном все падает во входящие, это понятно. Но тут есть папочка «нужное», кликни.

Я немедленно послушалась.

– Вот видишь, письмо флажком отмечено? Оно важное, там пароли от личного кабинета на сайте РЖД. Пригодятся, когда билеты иногородним сурмам будешь покупать. А вот еще письмо – тут во вложении фотка моей карты. С нее билеты, собственно, и покупаешь.

Я бестолково щелкнула туда-обратно по знаку флажка, как будто то, что его сняла и тут же снова поставила я сама, как-то придавало ему особую важность. На самом деле, мне кажется, придавало.

– Если приходит заявка от донора или сурмамы, то ты, я так понимаю, уже знаешь, что им отвечать и что спрашивать, правильно?

– Вроде да. Надеюсь... М. рассказала.

– Чудесно! Если пишет клиент, то звонишь мне или М., и мы скажем, что ему ответить. Почта у нас общая, но мы не всегда успеваем ее смотреть и тем более отвечать, это задача офис-менеджера как раз.

Было довольно приятно, что она озвучила мою должность, потому что это как будто делало из меня взрослого человека, который прямо серьезно пришел работать, у него серьезно есть должность, и совершенно серьезно будет трудовая книжка и трудовые обязанности.

– Анализы тоже все приходят на почту. Что-то мы будем просить тебя распечатывать для нас к приему, что-то – отправить на почту врачу, а ХГЧ ты будешь пересылать сразу родителям в независимости от результата. Посмотришь в почте, что мы обычно в таких случаях пишем, и отправишь.

Я уже знала, что анализ на ХГЧ сурмама сдает в назначенный репродуктологом день после переноса, и он показывает, наступила беременность или нет. Но мысль о том, что именно я буду вестником, немного тревожила меня. Конечно, наверное, очень радостно сообщать людям о наступившей беременности, но как же можно спокойно сообщать людям о провале? Это же ужасно, мне же придется разбивать чьи-то мечты.

– В некоторых случаях ХГЧ сдают не у нас в лаборатории, а в самой клинике, которая делала перенос, потому что этот анализ входит в стоимость их пакета услуг ВРТ. Тогда родители сами звонят в клинику и узнают результат, а ты тоже звонишь, чтобы мы сообщили результат сурмаме и или отправили ей компенсацию за отрицательный результат, или сообщили о дате первого УЗИ. На первое УЗИ после ХГЧ записывай в лабу через две недели.

Я сразу подумала, что этот вариант нравится мне больше. Пусть лучше доктор им о результате сообщает – он же перенос делал, пусть он и отвечает.

Стоит заметить, как оказалось в дальнейшем, таких программ было меньшинство. И почти всегда именно я была для клиентов или феей-волшебницей, или пособником дьявола, в зависимости от того, какой набор цифр из результата анализа, никак от меня не зависящего, писала им в письме.

– А., а вы сказали ВРТ... М. тоже несколько раз эту аббревиатуру употребляла сегодня. Это что? – вкрадчиво поинтересовалась я.

– ВРТ – это вспомогательные репродуктивные технологии. То есть это все вообще – и ЭКО, и искусственные инсеминации всякие (но это не к нам), и донорство, и суррогатное материнство, и ИКСИ, и криоконсервации, и генетическая диагностика. Все это направление, все методы задействованные – это одним словом ВРТ. Вот как есть отделение онкологии, например, хирургии, так же есть и отделение ВРТ. Наша тема вся, короче.

Я, удовлетворившись ответом, решительно кивнула.

– Вернемся. Вообще, результаты анализов просматривает врач в лаборатории, но ты тоже поглядывай. Если увидела инфекцию, например, то сама звони доктору, чтобы получить назначения для женщины и передать ей. Чем быстрее эсэм начнет лечение, тем быстрее мы сможем ее взять в программу. Так что увидела – звони сразу.

– Поняла. Препараты мы ей выдаем, правильно?

– Угу. Все там же в лаборатории есть. Ей надо будет подъехать и взять.

И тут зазвонил телефон. Мое счастье не могло длиться бесконечно, это должно было случиться рано или поздно. Хорошо хоть А. была в офисе и могла меня подстраховать. Я, собрав волю в кулак, взяла трубку и, почти успешно спрятав дрожь в голосе, произнесла:

– Компания «Горго», здравствуйте!

А. сидела и улыбалась, повернувшись всем корпусом ко мне и подперев левую щеку рукой. Ей было любопытно. А мне страшно. Будь она другим человеком, будь она хоть сколько-нибудь злодейским персонажем этой книги, то никогда бы не сделала того, что сделала дальше.

Я услышала в трубке бодрый молодой голос девушки, которая без обиняков заявила, что увидела объявление о наборе женщин в программы донорства яйцеклеток и суррогатного материнства в газете с объявлениями в метро и хотела бы побольше узнать об этом.

– Минутку, – вежливо ответила я и плотно прислонила трубку к груди.

– А.А., – с перепугу перешла я на обращение с отчеством к генеральному директору, – поговорите с ней, пожалуйста! Вдруг я не смогу ответить на ее вопросы. Если я вас хоть разок послушаю, то мне уже будет легче. Пожалуйста-пожалуйста! – сложила я ладошки в умоляющем жесте.

И А., не мешкая, протянула к трубке руку, с ухмылкой и взглядом, который выражал нечто среднее между «так я и знала!» и «смотри и учись», и сказала:

– Здравствуйте, меня зовут А., я могу ответить на ваши вопросы. А как к вам обращаться?

И я превратилась в одно большое ухо. Я ничего не записывала, я просто слушала и пыталась впитать в себя все, что только можно. Мне повезло – девушка плохо понимала, что такое донорство и суррогатное материнство (как и я еще сутки назад), и поэтому А. пришлось обсудить с ней сначала одно, а затем другое, чтобы девушка смогла выбрать то, что ей больше подходит. А. разговаривала с ней спокойным, приветливым и одновременно вдохновенным тоном, каким можно рассказывать старой подруге о том, какой отличный выходной с пикником в парке ты для вас двоих запланировала. Вопросы веса, детей, способа родоразрешения, месячных и другие обсуждались очень легко и, судя по всему, не вызывали никакого замешательства и неловкости у нашей кандидатки. Этот разговор, который, по правде говоря, вряд ли занял больше десяти-пятнадцати минут, по своей содержательности и ценности стал для меня самым значимым ресурсом информации в тот день. Услышав, что женщины относятся к шепетильным темам просто и открыто, а вопросы, которые они задают, касаются либо денег, либо самой процедуры стимуляции, я успокоилась. Ведь я теперь точно знала, как на это отвечать.

– Да, конечно, думайте и звоните. Мы работаем с 10 до 18 по будням, но запишите еще мобильный нашего менеджера Алёны на всякий случай.

И она продиктовала девушке номер моего рабочего сотового.

– Будем ждать звонка. Всего хорошего, до свидания.

– Круууто... – восхищенно выдохнула я.

– А ты, смотрю, записывать не стала? Все запомнила? Учти, я больше офис-менеджером подрабатывать не собираюсь, – произнесла А. с насмешливой угрозой в голосе.

– Да, уверена, что все запомнила. С памятью у меня никогда проблем не было. Да и мне было интереснее не то, что говорить, а то – КАК.

– Ну, тогда она тебе перезвонит, и как раз потренируешься, – задорно заметила А.

Я воодушевленно кивнула.

– Ладно, М. тебе показала, где сейф?

Я опешила от такого перехода. Но факт есть факт, так же невпопад и сумбурно, но М. действительно затрагивала тему сейфа.

– Ключ в верхнем ящике валялся. Он там?

– Ага, я видела там ключ. Вам отдать его?

– Нееет, мне не надо, я потеряю. Пусть тут лежит. А когда кто-то из клиентов принесет тебе денег, ты их как раз сразу в сейф сможешь закрыть.

– Мне принимать деньги?

– Да. Бухгалтер у нас на удаленке и по совместительству, она только безналом занимается, ей ты пересылаешь все счета. А если к тебе клиент пришел, то печатаешь приходник, отдаешь ему, а деньги потом надо будет отнести в банк, он у нас тут в соседнем доме. Или кто-то из нас с М. придет заберет.

Я была впечатлена, что и говорить. Если я отвечаю за деньги, то это ж какой кредит доверия офис-менеджеру. С ума сойти. Придется быть чистым воплощением надежности, по-другому никак.

Потом А. показала мне, где искать тот самый приходник, как его правильно заполнять, какую часть отдавать клиенту. В шкафу на полочке с сейфом мы обнаружили кассовый аппарат, которым, видимо, никто, кроме бухгалтера, пользоваться не умел, поэтому мне обещали прислать ее в офис на неделю, чтобы получить курс молодого кассового бойца. Финансовая часть моей работы казалась мне самой скучной. Деньги – это, конечно, чудесно, но обязанности счетовода наводили на меня тоску. В дальнейшем выяснится, что и на наших клиентов тоже – потому что я жутко медленно считала деньги. По сей день поражаюсь людям, которые мастерски сгибают пачку денег пополам и с помощью какого-то фееричного перебора пальцами в считанные секунды озвучивают сумму всех купюр в ней. Магия, не меньше!

Мы обсудили еще какие-то бытовые моменты работы офиса, начальница немного поспрашивала меня о переезде в этот город, районе, в котором я живу, о том, удобно ли мне сегодня добираться было, о том, как и где заказывать такси для сурмам и доноров, которых мы сопровождаем, если их не успевают забрать ни А., ни М., ни водитель А. Оля – так я узнала, что сама А. машину не водит, а ее водитель часто выполняет для нас и в некотором роде курьерские поручения. Иногда Оля даже просила своего мужа Вадима подключиться и привезти или увезти кого-то из наших подопечных. Позже я узнаю, что и мужья обеих моих начальниц могли в некоторых ситуациях быть на подхвате – завезти какие-нибудь документы или заскочить и решить в офисе какой-то бытовой вопрос вроде перегоревшей лампочки, если были поблизости. Атмосфера в компании вообще сложилась особенная: на протяжении всей истории практически никто из сотрудников не уходил из «Горго» просто так, потому что нашел что-то другое или сменил интересы. Исключениями были только обстоятельства непреодолимой силы: переезд в другой город или (самое частое) декрет. Секрет был в том, что всеобъемлющие доброта (иногда излишняя), забота и терпение А. удивительным образом уравнивали иногда резкую, ни на что не обращающую внимания на своем пути, стремительность и целеустремленность М. Причину же увольнения моей предшественницы Виктории мы узнаем через пару-тройку лет (спойлер: она откроет свое агентство суррогатного материнства, воспользовавшись заимствованными формами договоров и базой доноров «Горго»), и она так и останется практически единственным сотрудником агентства, действительно ушедшим по собственному желанию. На самом деле, одним из двух. Первым была ее предшественница – Олеся.

Но пока я все еще в своем первом дне и, проживая его, наполняюсь впечатлениями и знаниями каждую минуту. Каждую же минуту я убеждаюсь, что на этой работе мне точно будет интересно, что это необыкновенное агентство в своей деятельности занимается таким удивительным делом, что это не может не вдохновлять. Совершенно особенным чувством в моей душе разливалось ощущение, что я стала частью чего-то, дающего несчастной женщине шанс на то, чего ее лишила природа. Никто на свете не смог дать семье то, чего они жаждут больше всего, а их врач и «Горго» взяли и общими усилиями смогли. Потрясающее дело!

Примерно через час разговоров обо всем А. засобиралась уезжать. Ей нужно было на какую-то встречу. Пару раз она доходила до двери, потом поворачивалась и начинала еще какую-то тему. Затем, почти дойдя до двери, она сказала:

– Ой, нет, пойду еще в туалет зайду, – снова бросила сумочку на стол и пошла в озвученном направлении.

Выйдя, она снова пошла не к двери, а подошла ко мне, потому что я сообщила ей, что пришло письмо от ее клиентки, и она постояла рядом, пока я под ее диктовку написала ей ответ.

– Все, ответит – позвони, – сказала она, но опять пошла не к выходу, а понесла свою кружку из-под чая обратно в кухню.

– Ой, у нас там конфеты почти закончились, скажу Оле, она заскочит на днях в магазин и привезет тебе. А то вообще нечем клиентов угостить.

Она уже повесила сумку на плечо, бросила туда один телефон, второй взяла в руки, повернулась ко мне спиной, взялась за ручку входной внутренней двери, но развернулась и прошагала к журнальному столику.

– Возьму с собой! – и выбрав из вазочки пару шоколадных конфет, махнула мне рукой и наконец вышла из офиса.

Улыбка не сходила с моего лица. Что за теплая, трогательно рассеянная и проницательная женщина эта генеральный директор. Повезло мне! Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить.

Во второй половине дня в этот день для меня началась настоящая работа. Этап знакомства и ликбеза пройден, и теперь я должна была без всяких скидок для новичков выполнять свою работу. Испытательный срок у меня три месяца, и я должна была не только понять, подходит ли мне эта работа, но и смогу ли я соответствовать возложенным на меня ожиданиям. Насчет первого я была уже практически уверена, а вот второе предстояло выяснить.

Оба телефона начали исправно звонить, хотя, справедливости ради, надо заметить, что сотовый – все-таки больше. От каждого звонка стационарного у меня пробегало маленькое стадо мурашек по позвоночнику, но это уже не был ужас, это было просто волнение, и я была в силах его побороть. В этот день я проконсультировала пару девушек, и каждой из них мне пришлось перезванивать, потому что случались вопросы, ответов на которые я не знала. Например, мне пришлось позвонить А. и уточнить, считается ли кесарево противопоказанием к участию в программе суррогатного материнства, если кесаревым были первые роды, а вторые после этого естественным путем. Если вам интересно, то да – конечно, считается. Рубец на матке никуда не исчезает, даже если после этого было пять своих родов естественным путем. Об этом, но чуть деликатнее, я и сообщила заинтересованной девушке, связавшись повторно. Второй раз мне пришлось побеспокоить А. с вопросом, если девушка 170 см ростом и 70 кг весом, то подходит ли она для донорства, и как тщательно мы должны оценивать лишний вес. В ответ мне открыли глаза на формулу ИМТ, онлайн-калькуляторов которой в интернете великое множество, а также советом все-таки в конечном итоге оценивать потенциальных доноров по фото. На разных людях одни и те же килограммы смотрятся по-разному, а девушка может оказаться очень симпатичной – и тогда ее с небольшим избыточным весом все равно выберут родители. Честно говоря, а теперь-то я точно знаю, о чем говорю – такое случается ооочень редко.

Еще я писала кучу эсэмэс. Потому что о каждом приеме, о каждом назначении, о каждой записи нужно было сообщить сурмаме или донору сначала звонком, а затем, положив трубку, написать эсэмэс, чтобы у девушки не было шансов забыть какую-то деталь, к примеру, адрес или дату. Мой сотовый был зеленого цвета «Нокией» неизвестной мне модели с серыми прорезиненными овальными кнопками. И эти самые кнопки требовали особого усилия при нажатии. А набирая сообщение на таком телефоне, тебе нужно было несколько раз нажимать на каждую кнопку вплоть до появления на экране желаемой буквы. Поэтому в конце дня у меня уже была небольшая вмятинка на большом пальце, свидетельствующая о моем трудовом усердии.

В последующие дни и недели, когда А. или М. звонили мне с информацией о предстоящем приеме очередной девушки, то я сначала записывала в планер, а уже потом начинала искать в интернете (чтобы лишний раз не докучать вопросами), в какой вообще клинике принимает названный начальницей доктор, где она находится и как до нее добраться, потому что, как выяснилось после очередного созвона с потенциальной сурмамой, если не дать женщине пошаговую инструкцию, включающую все повороты направо и налево в метро и от него до места, то она не доберется. Или доберется, но сильно опоздает, а этого допускать никак нельзя, потому что на приемы к тем врачам, с которыми сотрудничала «Горго», обычные люди записывались за несколько месяцев вперед. И эти врачи не имели возможности подстраиваться

под опоздавших, несмотря на то, что нам они делали явные поблажки. Итак, мои сообщения ввиду этого обстоятельства становились длиннее.

Еще я ходила в банк сдавать деньги. В первые разы я, конечно, стрессовала. Хоть банк и находился буквально в 50 метрах от офиса, но я все равно упорно думала, что абсолютно все прохожие знают, что в моей сумочке несколько пачек денег. Поэтому я переобувалась (ведь на каблуках от злоумышленника не убежишь) и шла очень быстрым шагом. Да чего уж там, я буквально влетала в банк на третьей сверхзвуковой. Выдыхала я только тогда, когда меня провожали из общего зала в специальную комнату, где были комфортные мягкие диваны для ожидания клиентов отдела по работе с юр. лицами. Там почти никогда никого не было, в отличие от общего зала, откуда доносилось настоящее жужжание улья. И когда оператор менял мои пачки на квитанцию, я окончательно расслаблялась и вальяжно плелась обратно в офис, довольная тем, что сберегла капиталы. Чтобы продолжить стоять на страже телефонных звонков.

Иногда звонивший в офис обращался ко мне «Виктория», и мне приходилось представляться и объяснять, что, несмотря на то, что Виктории по этому номеру больше нет и не будет, я с удовольствием ему помогу. Не самыми комфортными были эти беседы с теми, у кого с моей предшественницей успели сложиться доверительные или даже приятельские отношения, как, например, у некоторых постоянных доноров. Но, по правде говоря, таких было мало. В основном девушкам было все равно, как меня зовут, далеко не все старались это запомнить, хотя я настойчиво подписывалась в конце эсэмэс. Скорее всего, они воспринимали меня как мы сейчас воспринимаем электронных помощников, с которыми сталкиваемся при звонке в банк. Подавляющее большинство из них никогда меня не видели, потому что офис не посещали, а участвуя в суррогатной или донорской программе, курсировали исключительно между клиникой репродукции и нашей лабораторией, а я была всего лишь голосом в трубке, своеобразным Фантомасом. Такое положение вещей меня очень забавляло. Все знают, что она есть, но никто ее не встречал. Если верить общепринятым нормам, то в женщине обязательно должна быть загадка. Так вот во мне ее было – обзавидуешься!

Глава 3

Январь 2012

Выход с январских каникул всегда немного грустное время, но оно является таковым только для тех, у кого были реальные каникулы. Как оказалось (кто бы мог подумать), в каникулы у женщин тоже начинались месячные, и значит, у меня была работа. Любое начало цикла может быть потенциальным началом программы, и начать ее через неделю, когда все наотдыхаются, будет уже нельзя. Поэтому если у женщины пришел цикл, то она отписывалась мне об этом в любое время дня и ночи, а я уже действовала в соответствии с подготовленным по этой конкретной кандидатуре плану – либо записывала на УЗИ, либо говорила начинать принимать контрацептив, либо терапию по подготовке к переносу или стимуляцию суперовуляции. Но праздники есть праздники, многие люди отдыхают так, что забывают обо всем на свете, поэтому на каждый день каникул у меня был список женщин, которым нужно позвонить и проконтролировать прием препаратов или в очередной раз напомнить, что я жду ее сообщения о цикле. Были, конечно, и такие, которые писали мне, несмотря на все напоминания, только когда месячные уже закончились. Тогда я с повинной головой звонила А. или М., в зависимости от того, под чьих клиентов была согласована девушка, и признавалась, что цикл упущен и теперь нам придется ждать февральского. Хорошо хоть клиентам об этом сообщала не я сама, а начальницы. Они, между прочим, тоже всегда были на связи и не пропадали с рабочих радаров ни на час.

Так что мои первые новогодние каникулы рабочего человека были вполне себе насыщенными. За предыдущие месяцы я уже успела понять, что моя работа не заканчивается в 18:00 и не уважает выходные, но теперь я осознала, что и новогодние праздники ей также ни о чем. И, честно говоря, это не вызывало во мне гнева. Это рождало во мне чувство нужности и важности. И даже делало меня в своих собственных глазах каким-то значимым, незаменимым звеном всего этого сложного процесса.

В новом году в офисе появилось существенное изменение – у нас появился штатный бухгалтер Дарья, и теперь в офисе нас постоянно было двое. Несмотря на то, что А. и М. бывали на встречах в офисе почти ежедневно, он не был их постоянным рабочим местом. Не могу сказать, что была в восторге от своей новой коллеги, хоть она и занимала небольшую комнату слева от входа, которую мы к ее появлению расчистили от папочно-бумажных завалов, и не имела возможности или желания (но скорее всего, того и другого) проводить часы в непринужденных беседах со мной, на которые у меня все равно категорически не было времени. Она была старше меня лет на 15 и считала себя очень опытной не только в бухгалтерии, но и во всех житейских вопросах. У нее было совершенно поразительное убеждение, логического обоснования которому я не нахожу до сих пор: что М., так как она финансовый директор, является ее прямым руководителем, а А. как генеральный отношения к цифрам не имеет, поэтому она ей не очень-то и начальство. Не раз впоследствии я сталкивалась с тем, как А. по телефону или через меня просила Дарью что-то оплатить, а та звонила М. и спрашивала, стоит ли это делать. Меня это сильно удивляло, но как-то раз это произошло, прямо когда А. была в офисе, и Дарья при ней набрала М. со своим типичным запросом по платежу. И А. вскипела! Я до этого не видела, чтобы А. злилась или срывалась на сотрудников (меня или лабораторию). Иногда мы, конечно, высказывались злобно в отношении сурмам, доноров или клиентов, когда те срывали сроки, пропускали назначения или тянули с платежами, но это всегда было в режиме жалоб друг другу, просто высказать гнев. А тут злость А. была направлена на человека лично. Нет, она не кричала, но говорила очень недовольным и безапелляционным тоном. И я бы соврала, если бы сказала, что в глубине души немного не злорадовывалась

в этот момент. Да, ладно, хорошо, Дарья мне совсем не нравилась! Для меня единственный плюс ее существования в «Горго» был в том, что теперь не я считала и относилась в банк наличные деньги. Чтобы до конца объяснить свою позицию (или попытаться привлечь вас на мою сторону), стоит рассказать, что когда в контракте наступал очередной расчетный период, т. е. в определенный срок беременности сурмамы родители должны были вносить определенный платеж, и я кричала Дарье со своего места:

– Дарья, у Котовской двадцатинедельное УЗИ сегодня было, результаты я родителям отправила, порадовала, они в курсе. Выставляй счет или приглашай в офис на оплату.

Она обреченно и довольно показательно вздыхала. Нет, ее не напрягала ее работа в целом (хотя как я могу быть в этом уверена), ее напрягало, что это я говорю ей, что делать. И делать ей приходилось.

Кстати, мной также была разгадана тайна факса. Этот агрегат действительно использовался, и было у него ровно одно назначение – переписка с тубдиспансерами. Ума не приложу, почему эти учреждения не воспринимали электронную почту как практичный вариант связи. Они хотели, чтобы запрос на сверку тубокружения (это обязательная бумажка, когда женщина – в нашем случае сурмать – готовится к родам) присылали именно по факсу. Что ожидаемо, и ответ на этот запрос они присылали тем же путем. И отправка этих сообщений всегда на какое-то время уносила меня мыслями в 90-е со всеми их бандитскими стереотипами. А скрип выталкиваемого из аппарата листа тонкой бумаги возвращал обратно.

Сегодня, как обычно, у М. была встреча в офисе. Она никогда не опаздывала, всегда приезжала минут за пятнадцать до назначенного времени, чтобы успеть выпить кофейку и обсудить с нами какие-то рабочие моменты. В отличие от А. Она часто звонила мне через минут пять после того, как клиенты уже вошли в офис (о чем я ее уведомляла сообщением), и говорила:

– Алён, ну рядом я, рядом. Скажи, что уже подъезжаю! Налей им чайку пока. Уже налила? Ну дай договоры почитать, пусть пока изучают. Все-все, вот, за углом уже.

И появлялась еще минут через десять.

Итак, М. морозным вихрем ворвалась в офис без десяти двенадцать. Она сбросила вещи на вешалку и, стоя на входном коврик и отчаянно топая ногами, отряхивая снег с сапог, поздоровалась.

– Привет, девчонки! Ну как у нас дела? Работаете?

– Здравствуйте!

– Здравсьте. Да бездельем маемся, как обычно! – сказала я, с улыбкой прижимая к уху только что зазвонивший рабочий телефон. – Компания «Горго», здравствуйте! Чем могу вам помочь?

– Как обычно, – ухмыльнулась она. – Дарья, ну, иду тогда к тебе! Сколько там у нас денег на счете?..

И она бодро двинулась заваливать бухгалтера своими вопросами и поручениями в ее любимом «прямосейчас» стиле.

Вскоре мы услышали, как открываются входные двери и с типичным для января «отбойным» топотом из прихожей в офис входят две женщины. По всему видно, что перед нами мать и дочь – обе высокие, коренастые, темноволосые.

Я встала, предложила им вешалки, показала, куда присесть на диван, спросила, не хотят ли они чего, и процокала каблучками в кухню делать чай, а М. подошла, поздоровалась и уселась на кресло напротив дивана, представляясь.

Я уже много раз слышала подобные беседы и понемногу узнавала и запоминала, какими ключевыми фразами пользуется М., а какими А., и какие вопросы обычно задают родители, и что те им обычно отвечают. Когда я поставила две чайные пары на журнальный столик и вернулась за свое рабочее место, они уже обсуждали, у какого доктора родители делают ЭКО

и когда планируют следующую стимуляцию. Я, как всегда, внимательно слушала и, конечно, рассматривала клиентов. Потенциальная генетическая мама Марина была женщиной лет тридцати семи с широкими квадратными плечами и кудрявой шевелюрой, в серо-бежевом свитере под горло, рукава которого она то и дело подтягивала на кулаки, как иногда делают неуверенные в себе дети, в темно-синих джинсах и высоких кожаных сапогах с меховыми отворотами, под которыми, конечно, после их ухода останется лужица талого снега. Ее мама Любовь Викторовна была корпулентной женщиной генеральской выправки с заметной, но благородной сединой и властным голосом, в темно-зеленом шерстяном платье с приколотой в районе правой груди брошью в виде птицы из разноцветных камней. Это были не те клиенты, которые пришли просто проконсультироваться и узнать общую информацию по ценам и программам, это были люди из тех, что пришли выяснить все то, что мы тут от них собирались злодейски скрывать, но они все равно выйдут. Такой посыл считывался в этой встрече по самому началу диалога.

– Послушайте, М., мы понимаем, что мы у вас не одни, но Марине с мужем действительно нужна лучшая сурмама. Мы не хотим несколько раз зря тратить деньги, да и Марина не так молода уже, чтобы бесконечно стимулировать.

Сама Марина в этот момент натягивала рукава свитера на кулаки и смотрела на изображение на обложке журнала, который лежал на столике перед ней.

– Нам вас посоветовал Коновалов, – продолжала мама, – а мы ему доверяем. Но это, естественно, не значит, что мы готовы во всем положиться на вас, мы будем все проверять сами. Мы прекрасно разбираемся в вопросе и хотим быть в курсе всего обследования сурмамы, потому что Марина с Сергеем оба у нас врачи.

– О, это чудесно, – фальшиво воодушевилась М., – вы занимаетесь гинекологией?

– Мы стоматологи, – ответила Марина, подняв на М. глаза.

Я хмыкнула про себя. Хуже клиента-врача может быть только врач из кардинально другой области, уверенный, что он отлично разбирается в вопросе.

– А вы требуете у потенциальной сурмамы справку от стоматолога? – продолжила она, коль уж Любовь Викторовна дала ей такую возможность.

– Нет, – ничуть не смутившись, ответила М.

Она вообще обладала уникальным даром отвечать на вопросы клиентов не так, как им хотелось бы, самым ровным и позитивным тоном, каким только располагала, чем иногда выбивала их, ожидающих чего-то вроде извинений и заискиваний, из колеи.

– Этого нет в Приказе Минздрава, репродуктологи это не требуют, поэтому, конечно, нет смысла этим заниматься.

– Ну как же?! – искренне возмутилась мама и теща стоматолога. – А если у нее в беременность разболится зуб, мы что делать будем?

– Если разболится, будем лечить, – ничуть не снижая градус уверенности и позитива, сказала М.

Глаза обеих женщин увеличились до неприличных размеров и со смесью шока, негодования и недоверия сфокусировались на М.

– Как это, лечить? – начинала закипать Любовь Викторовна. – А как же наркоз? Это же вредно для ребенка.

– В любой ситуации врач должен оценивать соотношение потенциальных рисков с потенциальной пользой от процедуры. Поэтому краткосрочная местная анестезия, для того чтобы быстро решить проблему и не причинять беременной женщине страданий, это вполне разумно и нормально.

– Так почему просто не проверить у суррогатной мамы перед программой полость рта? Пусть она сначала все вылечит, а потом брать ее в программу, – резонно (с ее точки зрения) заметила Марина.

Я снова хмыкнула про себя. Два раза.

– Смотрите, ну мы не можем тратить столько времени на подбор. На самом деле, найти среди женщин, претендующих на участие в программе суррогатного материнства, ту, которая раз в полгода посещает врача, вовремя делает пломбы и чистки и имеет на это не только время, но и деньги, достаточно проблематично. Вы же работаете стоматологом, вы же прекрасно знаете, что это дорого.

– Да какая разница, – не унималась будущая бабушка, – это же ее работа. Это вот такое условие для приема на работу, пусть сначала все вылечит, а потом придет. И не говорите мне про деньги, можно в бесплатной стоматологии по прописке это сделать!

Я уже вовсю закатывала глаза. Благо им было этого не видно, потому что для них мое лицо скрывалось за монитором компьютера. Я нашла это положение за столом в первую же неделю работы в «Горго».

– Зачем нам отказываться от хорошей сурмамы, если мы без проблем возьмем ее в другую программу? Да и лечение, даже если она на него согласится, может занять месяцы. В бесплатную стоматологию надо еще талончик взять, это все время. Мы бы не гарантировали по контракту подбор сурмамы за 10 дней, если бы у нас были такие критерии подбора.

– Ну, это не дело! – возмутилась Любовь Викторовна.

– Наверное, мы можем сами ее посмотреть. Если все остальное хорошо, то запишете ее к кому-то из нас с Сергеем на прием, и мы посмотрим.

Мама одобрительно похлопала Марину по коленке и недобро метнула взглядом в М., чем как бы без слов сказала: «Мы тут за тебя решили твою проблему!»

– Хорошо, – без лишних рассуждений, сказала М. – Алёна, пометь у себя дополнительно, что нужно будет показать стоматологу кандидатку в этом контракте, – обратилась она ко мне, полуповернувшись на кресле.

Обе женщины тоже перевели на меня взгляд и задержали его до тех пор, пока я, чуть выехав из-за компьютера, показательно не написала слово «стоматологи» в плане рядом с сегодняшней датой и временем их назначенной встречи. Они, конечно, не видели, что я пишу, но, видимо, пустить на самотек такое важное действие, как заметка, они не могли. А я про себя подумала, что необходимости что-то отмечать тут нет, и уж этих-то дам я точно вряд ли забуду.

Дальше обсуждение шло по накатанной. Стандартные вопросы – стандартные ответы М. Не совсем необычным оставалось лишь то, что беседой верховодила мама будущей родительницы, а не сама женщина, принявшая решение прибегнуть к помощи суррогатной мамы. При том что внешне она не была забитой серенькой мышкой, да и лет ей было уже не 20, но открывать рот на секунду раньше или, не дай Бог, перебивать маму она не смела. А мама между тем рассказывала такую личную, и особенную, и такую похожую на многие другие историю борьбы с бесплодием: попытки естественного зачатия, походы к гинекологу, бесконечные обследования, снова попытки, обследование на все самые изощренные заболевания, снова попытки, поход к репродуктологу, теперь уже попытки ЭКО, гистероскопии, снова попытки ЭКО, лапароскопии, гистеросальпингографии и снова и снова попытки. Почти девять лет попыток и упрямый, злой и насмешливый отрицательный ХГЧ раз за разом. История «обязательной боли», так собирательно я называла потом это про себя. Потому что никто не решается на суррогатное материнство или донорство или то и другое в комплекте, если не пройдены все круги медицинского ада в надежде все-таки найти все время ускользающую от внимания врачей проблему, излечить ее и победить природу. Никто не перешагивает порога нашего офиса, если сохраняет хоть какую-то надежду справиться самостоятельно. Поэтому, к сожалению, все родители описывают примерно одинаковый путь страданий, приведший их к нам.

Затем М. рассказывала о нашем Медицинском центре, который мы между собой называли лабораторией или просто лабой, где мы ведем все наступившие беременности суррогатных мам, о городской больнице, с которой у нас есть договоренности в случае необходимости госпитализации сурмамы, о роддоме и враче в нем, у которого мы обычно рожаем, и о том, как

мы подготавливаем документы и сопровождаем родителей в ЗАГС для получения свидетельства о рождении их ребенка. И после рассказа о ведении Марина неожиданно оживилась.

– А как часто вы их проверяете на ВИЧ и гепатиты?

– По приказу, такие анализы берутся у беременной двукратно, только при постановке на учет по беременности – это у нас происходит в 12 недель, и потом в 30 недель.

– Два раза?! – чуть не задохнулась от возмущения женщина. – А перед переносом?

– Конечно, обследование перед программой тоже включает в себя ВИЧ, сифилис и гепатиты В и С. Мы же с вами вначале обсудили предпрограммное обследование.

Черт, я просто обожаю, когда М. между делом как бы случайно подмечает, что надо быть внимательней, чтобы не приходилось повторять одно и то же миллион раз. Ни у кого не получается делать это так просто, и метко, и так по-деловому, совершенно не меняя тон на назидательный. Я до сих пор так не умею.

– То есть всего три раза, правильно? – не унималась Марина.

– Да, – никак не отреагировала М. на нарастающее возмущение клиентки.

– Но это же совершенно недостаточно! – подключилась Любовь Викторовна. Ей вообще было много не надо.

– Мы работаем четко по Приказу, – ничуть не смутилась М.

– Но даже любой нормальный человек сдает эти анализы раз в год, а тут беременная женщина. Нужно сдавать их каждый месяц!

На ее словах про ежегодную сдачу мои глазные яблоки закатились так, что сейчас рассматривали мозг изнутри. Я лично не знала ни одного человека с такой страстью к регулярной сдаче этих (и любых других) анализов. Мне было 21, и моим друзьям, соответственно, примерно столько же – все логично, анализы – последнее, о чем мы в жизни думали. Да я в жизни анализ на ВИЧ с гепатитами не сдавала!

– Но вы ведь знаете, – вкрадчиво начала моя начальница, взывая к медицинскому образованию будущей мамы, – что анализ покажет положительный результат только через ТРИ месяца после потенциального заражения. И если эсэм не меняла полового партнера, не лечила зубы, не делала татуировок или пирсинга, что в программе запрещено, то и путей заражения у нее не остается. Правильно же?

– Да все понятно, ну а вдруг?

Надо признать, мама Марины была богиней аргументации.

– Вдруг... – вздохнула М., оценив вышеупомянутое качество женщины. – Мы все равно только через три месяца сможем об этом узнать, понимаете?

– Нет, вы меня поймите, у меня фобия. Я, когда мы в институте это проходили, так впечатлилась, что каждые три недели бегала в центр СПИДа анализы сдавать, так переживала.

– Я все понимаю, ну послушайте, у сурмамы такой фобии не будет. Ей и не придется бегать. Мы подберем вам хорошую порядочную женщину.

– А можем мы привить ее от гепатита В хотя бы? – продолжала клиентка.

– Теоретически можем, но после прививки инкубационный период три месяца. Это значит, что сурмама будет подобрана, одобрена врачом, потом мы ее привьем, и еще три месяца она будет просто сидеть, в то время как остальные сурмамы пойдут в подготовку к переносу с ближайших же месячных. Ей это совершенно невыгодно.

– Значит, поговорите с ней, объясните, что это для ее же блага, – продолжила Любовь Викторовна верить в сознательность всех потенциальных сурмам страны.

М. улыбнулась и легонько покачала головой.

– Боюсь, уверения тут не пройдут. Она же хочет перенос как можно скорее и как можно раньше начать получать содержание.

– Тогда мы готовы предложить ей ежемесячное содержание как в контракте на эти три месяца, – скромно предложила Марина, неуверенно поглядывая на маму.

– Хорошо, договорились. Тогда в течение этих трех месяцев вы и с зубами ее заодно разберетесь, коль вам так это важно, – бодро согласилась М.

Дамы переглянулись. Они явно не рассчитывали, что итоговое положение вещей будет таким. Они в своем боевом настрое были уверены, что раскрутят нас на что-то, а вышло как-то немного наоборот. Несмотря на то, что по факту это мы потакаем их капризам. Просто за их счет. Я уже говорила в этой главе, что лучше М. такие деловые кувырки с переворотом не делает никто? Вот, говорю. Говорю и улыбаюсь, как улыбалась и тогда, прячась за своим компьютером.

– Договорились, – недовольно, но гордо заключила будущая бабушка.

Затем они что-то еще коротенько обсудили, М. дала им с собой контракт для ознакомления (у меня всегда лежало подготовленными несколько экземпляров) и вежливо распрощалась с парочкой, напоминая им, чтобы обязательно позвонили ей и договорились о встрече заранее, когда обсудят все с мужем и примут окончательное решение.

Я же в это время заканчивала, точнее изо всех сил пыталась закончить покупку билетов на поезд для очередной потенциальной сурмамы, которая должна была приехать к нам на следующей неделе. Надо сказать, что делала я это довольно часто, но от этого данное занятие, а если говорить конкретнее – взаимодействие с сайтом РЖД, не становилось чем-то рутинным и незаметным. Каждый раз я страдала, как в первый. Во-первых, стоило только выбрать билет и вбить данные женщины, как тебя выкидывало из личного кабинета, и в правом верхнем углу как ни в чем не бывало загорался значок «войти», делая вид, что несколькими минутами ранее я уже не извлекла искомые данные из той самой папочки «нужное» и не проделала всю эту процедуру железнодорожной инициации. Входить заново иногда приходилось пару-тройку раз. Но сайт никогда не разочаровывал – он выкидывал из кабинета исключительно тогда, когда все процедуры с билетом уже проделаны, все заполнено, и не спешил сделать это на этапе только его выбора. Во-вторых, на этапе оплаты после введения всех данных карты А. мне нужно было ввести пароль из эсэмэс (тот самый, который банк просит никому не сообщать, да), чтобы завершить оплату. Сделать это надо было в течение 60 секунд, по истечении которых пароль оказывался недействительным, и нужно было запрашивать новый. Поэтому, чтобы А., не дай бог, не была занята в этот момент, я писала ей: «Покупаю билеты. Готовы?» – и приступала к делу только после ее подтверждения, потому что дальше шансов на промедления система мне не давала. Но гребаный пароль зачастую вообще не спешил приходить! Ему было плевать, что у меня 60 секунд, он нисколько не уважал время – ни мое, ни в целом как понятие. И поэтому в надежде на счастье я его вводила, после того как А. мне его пересылала, но он был уже недействителен, и все начиналось снова. После какой-то попытки РЖД становилось скучно и меня снова выкидывало из личного кабинета, и мое отчаяние разбавлялось действиями с фазы номер 1. И так по кругу. Бывали случаи, когда я не могла купить билет несколько часов. Бывали, когда покупала за 10 минут. Но ненавидела я это дело одинаково в обоих случаях. У меня буквально пар шел из ушей. Сейчас же я потратила на битву с РЖД всего лишь последние полчаса и была вполне миролюбиво настроена.

– М., а на фига нам эта возня с прививками и стоматологией? – дождавшись, когда дверь закроется, спросила я. – Сурмамы же мне мозг съедят, если мы так долго их будем готовить...

– Да бред конечно. Но я надеюсь, они передумают. Может, там муж адекватный?

– Думаете, он там принимает решения? – недоверчиво ухмыльнулась я.

М. искренне рассмеялась.

– Алён, да нет конечно! Тут всем понятно, кто принимает решения. Бедная женщина..., наверное, мамаша просто за все платит, как обычно.

– Блин, ну стоматологи вроде сейчас, как правило, люди небедные.

– Это смотря какие. Мы же не знаем... – и она не стала продолжать.

– Ладно, короче, вернутся – разберемся. Я завтра трех женщин показываю Коновалову в 11:30 и одну Камарицкому в 14. Неудобно так – этот разрыв! Можешь Камарицкого на 12 перенести?

– Нет, М., извините, не могу, вы уже спрашивали. Там сурмама Аршинова никак раньше не может.

– Вот зараза! – беззлобно шикнула М.

– А, кстати, Иванова, одна из тех, что к Коновалову, на связь два дня не выходит. Я ей сегодня эсэмэс с подтверждением приема писала – она не ответила пока.

– Да что ж такое. Вообще ужас какой-то, Алёнка!

– Давайте, конечно, надеяться, что она явится, но, если что – будьте готовы.

– Ладно, звони ей, ищи. Обследовалась за наш счет и сливается, вот девки – сучки. А мы ее, наверное, еще и лечим?

– Само собой, уреаплазма, как обычно. Препараты выданы.

– Тьфу на нее!

– Неизбежные потери, – развела я руками.

– Но каждый раз бесит, как в первый, – констатировала начальница.

Такое, действительно, случалось сплошь и рядом, потому что девушки не особо осознавали, что если ты обследуешься за чей-то счет, сдаешь кучу анализов и тебя еще снабжают препаратами, то это тебя к чему-то обязывает. И каждый раз каждая из них думала: «Да что они мне сделают, просто не буду трубку брать, и все. Передумала». И какое-то время мы, действительно, ничего с этим не делали, потому что такие дела были слишком мелкими и повседневными, чтобы обращаться по этому поводу к нашему юристу, которая работала по почасовой оплате, и тариф у нее был весьма впечатляющий. Так что это просто того не стоило. Однако, когда примерно в 2015 году у нас появился штатный юрист, мы начали с такими судиться. Можно сказать, из вредности. Всегда бесило, что они были уверены, что им ничего не будет при любом раскладе – вот мы и доказывали обратное.

– Дарья, я тебе нужна еще?

– Нет, – отозвалась бухгалтер из кабинета.

– Тогда все, поехала, – устремилась она к вешалке с вещами.

Выпархивая из теплого уютного офиса в пасмурное снежное месиво, она повернулась и, указывая на меня пальчиком, сказала:

– Звони ей!

Я поднесла правую ладонь козырьком ко лбу и резко отдернула. Она показательно закатала глаза и вышла.

Если вам интересно – нет, гражданке Ивановой я не дозвонилась, и на прием она не пришла, чуда не произошло.

Через полторы недели Марина с мужем Сергеем, высоким худым чуть лысеющим мужчиной в очках лет сорока, и Любовью Викторовной пришли на подписание контракта. Точнее, конечно, подписывали контракт Сергей и Марина, а мама сидела рядом на диване и контролировала процесс, сложив руки на груди. В кабинет к бухгалтеру для расчета женщина тоже зачем-то проследовала с зятем, хотя небольшой кабинет не предполагал напротив Дарьи двух мест для плательщиков. В итоге она просто уселась на единственное клиентское место в бухгалтерии, обнимая сумку, а Сергей, стоя рядом, произвел расчет и получил приходник. Марина же задумчиво пила чай, ожидая, когда ее семья выполнит обязательную часть сделки, как мне показалось, тоже недоумевая, почему эта миссия потребовала участия двух человек. А я уже вносила их фамилию в список обязательных дел, который первым и единственным пунктом включал в себя подбор сурмамы, которую не испугает ни прививка, ни принудительная стоматологическая благотворительность генетических родителей.

Такая сурмама нашлась довольно легко, мне повезло. Мы привили ее и записали в стоматологию, естественно, не поделившись информацией о том, что принимающий врач будет генетическим отцом в ее программе. У нас не принято, чтобы сурмамы общались с родителями и знали их в лицо, это более безопасный для всех сторон способ взаимодействия, выработанный путем проб и ошибок – ошибок, совершенных А. и М., конечно, когда они только начинали дело, ставшее в итоге компанией «Горго». Всего она сходила к ним в клинику три раза. Нам повезло – серьезных проблем там не было, отчего девушка понравилась родителям еще больше, потому что ничто так не делает тебя ответственным человеком в глазах стоматолога, как приличное состояние ротовой полости. Через 3 месяца, как и планировали, мы начали подготовку к переносу, и в мае доктор перенес ей эмбрион генетических родителей. Мы затаили дыхание на 10 дней, затем сдали кровь на ХГЧ и получили отрицательный результат. Столько времени на подготовку, и все зря. Коновалов посоветовал сурмаму поменять. Следующую сурмаму родители прививать не стали, тоже поняв, что им совсем не нравится такая долгая подготовка. Но на прием в их клинику она все равно сходила. Генетическая мама посмотрела ее, сказала, что в целом там ничего страшного, а пару кариесов девушке стоит пойти полечить в поликлинику по прописке, но это не срочно. Мы с М., конечно, при случае в очередной ее визит в офис обсудили эту тенденцию. Все знают, женщина никогда не упустит случая сказать: «Я же говорила». Второй перенос, к сожалению, тоже закончился пролетом, беременность не наступила. Я скрепя сердце набрала номер Марины и сообщила ей результат. И если в первый раз она была искренне удивлена и раздосадована, ее реакция была в духе «как такое могло случиться?», то сейчас, когда я озвучила ХГЧ, она просто очень грустно и подавленно сказала «понятно». В таких случаях мне всегда очень хотелось подбодрить женщину, мне было грустно вместе с ней, но я не могла ей помочь, потому что единственное, что хоть как-то принесет человеку радость в этом состоянии, это если ты пообещаешь ему положительный результат в следующий раз. А это делать категорически запрещено, это профессиональное табу, если хотите.

Теперь доктор посоветовал оставить ту же сурмату. Мы начали подготовку снова. Как-то я спросила из любопытства:

– Слушайте, а вы к зубному-то сходили? Вам там, помнится, рекомендовали.

– Нет конечно, сказали же – не срочно. Вот рожу и схожу, сейчас денег нет. А в бесплатную я не пойду, пусть врач сама в бесплатную идет, – простодушно ответила девушка.

Мое любопытство было удовлетворено, и больше я эту тему не поднимала.

В этот раз беременность наступила. Я была очень рада, а Марина на том конце провода сначала опешила, а потом заплакала и сквозь слезы все повторяла: «Спасибо, спасибо, спасибо, это такая радость!» О, это всегда было и остается одной из любимейших составляющих моей работы.

Затем начался вполне обычный процесс вынашивания, и хоть эта семья устраивала легкую форму истерики по поводу каждого анализа или назначения, которое казалось им неидеальным, и несмотря на то, что звонили они М. все по очереди. Не знаю, почему муж не мог передать полученную от нас информацию жене, жена – маме и так по кругу. Они по одному и тому же поводу звонили обязательно все по отдельности, и М. шутила, что пора начать записывать ответы на диктофон и просто включать их оставшимся двум членам семьи после разговора с первым. Но это были издержки профессии, это можно было пережить. В моменте мы, конечно, злились, но уже назавтра забывали о надуманной клиентами проблеме. В итоге наша сурмама родила им чудесного здорового мальчишку, очень похожего на папу. И это событие, каким бы тернистым путем участники программы к нему ни шли, решительно изменило их жизнь. Родители, счастливые и довольные, с долгожданным чудом на руках упорхнули из роддома, а следом коршуном вылетела бабушка, взгляд которой, несмотря на радость, оставался

сосредоточенным. Конечно, теперь ей предстоит оберегать еще одного, самого главного для семьи человека, тут расслабляться нельзя!

Что касается сурмамы, то я не знаю, потратила ли она хоть маленькую часть своего гонорара на зубы.

Глава 4

Сентябрь 2012

Я, как обычно, налила себе кофе, взяла две конфетки и в перерывах между звонками и сообщениями просматривала на компьютере папки доноров, с тем чтобы попросить новых фотографий у тех, кого давно не выбирали родители. Потому что все дело всегда в фотках. Кроме того, когда я отправляла фотографии кандидаток по электронной почте, то могла выбрать удачные и не слать не совсем выигранные. Это было удобно, и родители, и агентство имели возможность подумать над содержимым письма, сформировать его, «переспать» с мыслями о его содержимом и так далее. И так практически всегда было с клиентами А. Но М. была женщиной стремительной, она любила делать все здесь и сейчас, поэтому после переговоров она всегда пыталась усадить клиентов за компьютер рядом с мной, чтобы я «прямо сейчас» показывала им каких-то кандидатов. И когда я открывала папку, то они видели все, удачное и не очень. Удобство этой схемы было в том, что М. очень убедительно вещала клиентам, имея в виду какого-нибудь удобного кандидата, что она «очень на вас похожа, просто одно лицо», и после сколько-нибудь кратного повторения клиенты начинали верить и по факту часто склонялись к указанному М. кандидату. Быстро и эффективно. Неудобство этой схемы было в том, что перед каждой программой нужно спрашивать у донора о возможности участия, потому что молодые девушки, кроме того, что могли просто передумать, могли и забеременеть, переехать или быть занятыми в программе напрямую в клинике, о чем мы не могли знать заранее. И вот мы сидели, надо мной стояла М., рядом со мной жаждали результата родители, и я начинала обзвон. И это состояние бесит меня до сих пор – кто-то не брал трубку, родители расстраивались, М. настаивала «звони еще», кто-то брал, и ему было неудобно говорить, кто-то говорил, что надо подумать и так далее. В итоге все сидели и нервничали. Иногда родители, заведенные М., тоже начинали считать, что надо решить все немедленно, и хотели смотреть других кандидатов, если эта трубка не берет. А у нее жизнь своя есть, это нормально. Перезвонит она, когда сможет. И она, может, и правда, вам лучше всего подойдет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.